
Лиза Кошелькова
Мужчина исчезает дважды
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ
ДВАЖДЫ?
Иронический детектив

Лиза Кошелькова
Мужчина исчезает дважды

https://litres.ru/74828047
SelfPub; 2026

Аннотация

Один человек исчез двадцать восемь лет назад. Его считали погибшим. Но теперь он исчез снова.

Виктория Ланская берётся разобраться в загадочном исчезновении Александра Крылова. Старый пожар, два свидетельства о смерти, фотографии из прошлого и противоречивые показания постепенно открывают историю, в которой у каждого есть своя версия правды.

Чем глубже Виктория погружается в расследование, тем страннее становятся факты. Один человек похоронен под чужим именем. Другой, возможно, никогда не умирал. А те, кто десятилетиями хранил молчание, готовы на всё, чтобы тайна осталась нераскрытой.

Но главная загадка не в том, кто исчез.

Главная загадка — кто вернулся на его место?

Содержание

Глава 1. Человек, который уже умер 4
Глава 2. Пожар, которого никто не помнил 11
Глава 3. Дом, который сгорел не до конца 20
Глава 4. Покойники не меняют адрес 28
Глава 5. Мужчина с безупречными манерами 37
Глава 6. Приглашение, от которого трудно отказаться 51
Глава 7. Человек на старой фотографии 66
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Лиза Кошелькова
Мужчина исчезает дважды

Глава 1. Человек, который уже умер

В понедельник утром Виктории сообщили, что один человек исчез дважды.

Первый раз — двадцать восемь лет назад. Второй — накануне вечером.

Между этими событиями он успел жениться, купить квартиру, обзавестись приличным банковским счётом и убедить окружающих, что является совершенно обычным гражданином. Впрочем, именно последние обстоятельства и должны были насторожить. Слишком уж много неприятностей в её практике начиналось со слов: «Он был совершенно нормальным человеком».

Обычно после этого выяснялось, что у него имелась вторая семья, три паспорта, тайный сейф или хотя бы одна очень неприятная привычка.

У Александра Викторовича Крылова, судя по всему, имелось кое-что похуже.

Его жена появилась у Виктории без четверти десять. Жен-

щина лет пятидесяти, ухоженная, дорого одетая. Она держалась прямо, но пальцы всё время сжимали ручку сумки. Так люди пытаются удержать под контролем хотя бы одну вещь, когда всё остальное уже выходит из-под контроля.

Муж пропал вечером предыдущего дня. Ушёл из дома около семи часов, не взял с собой телефон, не предупредил о поездке и не вернулся. К утру его отсутствие перестало выглядеть обычной задержкой. Полиция приняла заявление, больницы проверили, знакомые ничего не знали.

Ни одной зацепки.

На первый взгляд — типичная история о пропавшем супруге. Но Марина Сергеевна пришла не просто потому, что муж не ночевал дома. За последнюю неделю Александр изменился. Стал раздражительным, несколько раз проверял входную дверь, а по ночам просматривал какие-то старые бумаги. Однажды произнёс имя Михаил и тут же замолчал, словно случайно назвал вслух то, что следовало оставить в прошлом.

Жена решила, что это старый знакомый. Теперь она сомневалась даже в том, что хорошо знала человека, с которым прожила столько лет.

Виктория не стала утешать её дежурными словами. В расследованиях ложная надежда не менее бесполезна, чем плохая память. Виктории требовались факты, а не предположения.

Факты появились вместе с конвертом.

Утром Марина Сергеевна обнаружила его возле двери квартиры. Обычный белый конверт без марки, адреса и подписи. На лицевой стороне чёрными чернилами было написано:

«Он уже возвращался».

Внутри лежала фотография.

Снимок был сделан в 1998 году. На нём стояли трое мужчин возле незнакомого здания. Двое смотрели прямо в объектив, третий отвернулся. Лица первых двух сохранились достаточно хорошо, чтобы Виктория узнала одного из них.

Александр Крылов.

Только на фотографии ему было около двадцати семи лет. Тот же прямой нос, те же широко расставленные глаза, тот же небольшой шрам возле левой брови, который был заметен и на современной фотографии, принесённой его женой.

Совпадение исключалось.

На обороте старого снимка стояла надпись:

«Михаил. Александр. Последняя встреча».

Лицо третьего мужчины было перечёркнуто красной ручкой. Не всё изображение, а только глаза. Кто-то провёл две линии с такой силой, что бумага продавилась.

Виктория долго рассматривала снимок. В нём было что-то неприятное. Не само изображение, а ощущение, что фотография предназначалась не для семейного альбома. Её хранили как доказательство. Или как напоминание.

Марина Сергеевна утверждала, что никогда прежде её не

видела. О Михаиле ничего не знала. Третьего мужчину не узнала. О событиях 1998 года муж ей не рассказывал.

Возможно, Александр просто не любил вспоминать молодость. Некоторые люди предпочитают не рассказывать о своих двадцати годах, потому что тогда они носили нелепые причёски и слушали плохую музыку. Но обычно за это не присылают анонимные фотографии.

Виктория перевернула снимок ещё раз и заметила в нижнем углу короткую надпись. Она была почти стёрта, словно кто-то пытался удалить её, но передумал:

«Александр погиб. Тот, кто живёт под его именем, знает правду».

Вот теперь история приобрела совсем другой смысл.

Если надпись была правдой, то муж Марины Сергеевны двадцать восемь лет жил под чужим именем. Если ложью — кто-то очень старательно создавал впечатление, будто настоящий Александр Крылов давно мёртв.

Оба варианта не обещали спокойной недели.

Виктория попросила Марину Сергеевну вспомнить, не замечала ли она в последние дни чего-нибудь необычного. Она рассказала, что накануне исчезновения муж попросил найти его паспорт. Документ лежал в ящике письменного стола, и утром его там уже не было. Телефон при этом остался дома.

Человек, собирающийся уехать, обычно берёт телефон. Человек, который хочет исчезнуть, может оставить его намеренно. А человек, которого заставили исчезнуть, вообще не

всегда успевает собрать вещи.

Виктория записала адрес Крыловых и решила начать с квартиры. Нужно было увидеть рабочий стол, документы, старые фотографии, проверить, что именно Александр пытался найти в последние дни.

Марина Сергеевна ушла, оставив ей снимок.

Виктория положила его рядом с блокнотом. Трое мужчин из 1998 года продолжали молча смотреть в прошлое. Вернее, двое смотрели, а третьему кто-то запретил даже это.

В такие минуты особенно хочется верить, что люди перечёркивают на фотографиях только тех, кого ненавидят. Но опыт подсказывал: иногда так отмечают тех, кого боятся.

Виктория уже собиралась позвонить Орлову и попросить проверить имя Михаила, когда на экране высветился неизвестный номер.

Звонивший не представился. Мужской голос был спокойным, почти вежливым. Он произнёс её имя и фамилию, а затем сообщил, что Виктория зря взялась за поиски Александра Крылова.

Виктория не успела задать ни одного вопроса.

— Вы опоздали на двадцать восемь лет, Виктория. Александра Крылова похоронили в 1998 году. А человек, которого вы ищете, — не тот, за кого себя выдаёт.

Связь оборвалась.

Виктория ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом посмотрела на фотографию.

На ней стояли трое мужчин. Один из них, согласно надписи, был мёртв. Второй исчез. Третий оказался настолько нежелательным свидетелем, что ему перечеркнули глаза.

И всё это происходило двадцать восемь лет назад.

Виктория открыла поисковик и набрала имя Александра Викторовича Крылова. Первые результаты ничего интересного не обещали: место работы, несколько деловых упоминаний, адрес регистрации.

Затем Виктория изменила запрос, добавив год рождения.

На экране появилась короткая газетная заметка из архива за ноябрь 1998 года.

Заголовок был сухим, почти безразличным:

«В результате несчастного случая погиб сотрудник строительной компании Александр Викторович Крылов».

Виктория перечитала строку.

Совпадали имя, отчество, фамилия и дата рождения.

В заметке говорилось, что мужчина погиб при пожаре на загородном объекте. Тело было опознано родственниками. Дело закрыли.

Виктория откинулась на спинку кресла.

Получалось, что двадцать восемь лет назад Александр Крылов умер официально. А вчера вечером исчез человек, который все эти годы жил под его именем.

Но оставался один вопрос.

Если настоящий Александр погиб в 1998 году, кто же тогда женился на Марине Сергеевне?

Виктория снова посмотрела на старую фотографию. Теперь её интересовал не перечёркнутый мужчина и даже не загадочный Михаил.

Викторию интересовало лицо человека, который стоял рядом с Александром.

Потому что на газетной фотографии погибшего, опубликованной в архиве, был именно он.

Только на снимке 1998 года этот мужчина стоял рядом с человеком, которого уже похоронили.

А значит, кто-то из них был мёртв ещё до того, как началась эта история.

И кто-то очень старательно следил за тем, чтобы никто не заметил подмены.

Глава 2. Пожар, которого никто не помнил

В старых газетах человеческие трагедии помещаются между прогнозом погоды и рекламой мебели. Человек может прожить тридцать лет, любить, работать, строить планы, а потом исчезнуть из жизни окружающих в трёх сухих строчках. Особенно если его смерть никому не хочется обсуждать.

Виктория снова открыла архив за ноябрь 1998 года.

Заметка о пожаре была небольшой. Загородный объект, принадлежащий строительной компании «СеверСтрой». Ночью произошло возгорание. Один погибший — сотрудник компании Александр Викторович Крылов. Причина пожара устанавливалась.

В газетной версии всё выглядело просто. Слишком просто для истории, в которой двадцать восемь лет спустя кто-то присылает фотографию с предупреждением.

Виктория увеличила старый снимок, приложенный к заметке. На нём стоял обгоревший корпус здания. Окна второго этажа были выбиты, крыша частично обрушилась. В подписи говорилось, что пожар уничтожил значительную часть недостроенного пансионата.

Название компании Виктория записала отдельно. «СеверСтрой» давно прекратила деятельность, но в электронных

архивах сохранились фамилии руководителей и несколько упоминаний о её проектах. Среди них обнаружился Михаил Аркадьевич Серов.

Михаил.

Имя, которое Александр Крылов произнёс перед исчезновением.

Серов значился одним из руководителей компании в 1998 году. Дальнейшая судьба его в открытых источниках почти не прослеживалась. Последнее упоминание относилось к тому же году, когда произошёл пожар.

Это могло быть совпадением. Но Виктория уже начинала подозревать, что в этой истории совпадениям отведена роль прикрытия.

Виктория позвонила Орлову и передала ему найденные сведения. Он пообещал проверить материалы старого дела и отдельно выяснить, что стало с Михаилом Серовым. Самой ей предстояло посетить квартиру Крыловых.

До этого момента Виктория надеялась обнаружить обычные следы поспешного отъезда: документы, билеты, переписку, спрятанные деньги. Но теперь её интересовало другое — насколько тщательно Александр Викторович вычистил собственную биографию.

Квартира встретила её тишиной и запахом свежего кофе. Марина Сергеевна явно пыталась сохранить привычный порядок. На кухне стояли две чашки, на спинке стула висел мужской домашний кардиган. Всё выглядело так, словно хо-

зяин вышел ненадолго и собирался вернуться к обеду.

Именно это производило самое неприятное впечатление.

Виктория начала осмотр с кабинета. Здесь Крылов проводил большую часть свободного времени. На столе лежали документы, книги, ежедневник. В шкафу стояли папки с бумагами на квартиру и банковскими выписками. Всё было разложено аккуратно, почти педантично.

Для человека, который исчезает, он оставил после себя подозрительно много порядка.

Виктория просмотрела несколько папок. Ничего необычного: договоры, квитанции, страховки. Затем нашла копию свидетельства о рождении. Фамилия, имя, отчество совпадали. Дата рождения тоже.

Однако её заинтересовала не сама бумага, а её состояние. Документ выглядел значительно новее остальных. Копию сделали недавно, хотя необходимости предъявлять её для каких-либо бытовых дел Виктория не видела.

Рядом лежала выписка из домовой книги, полученная несколько месяцев назад.

Виктория сфотографировала документы. Возможно, Александр готовил новый комплект бумаг перед отъездом. Но зачем ему понадобилось подтверждать собственное рождение спустя столько лет?

В шкафу обнаружилась коробка с семейными фотографиями. В ней лежали отдельные снимки, несколько открыток и старый альбом. Виктория открыла его на первой странице.

Свадьба. Поездки. Дни рождения. Праздники. Александр и Марина на фоне моря, Александр с бокалом шампанского, Александр возле загородного дома. Человек на снимках выглядел естественно. Никакой скованности, никаких попыток спрятать лицо.

Но альбом начинался с 2001 года.

До этого времени не было ничего.

Пять первых кармашков оставались пустыми. Не порванными, не повреждёнными — аккуратно освобождёнными от фотографий. На внутреннем пластике сохранились следы клея от маленьких бумажных подписей.

Виктория спросила Марину Сергеевну, почему в альбоме отсутствуют ранние снимки. Она ответила, что муж никогда не любил фотографироваться и не хранил старые фотографии. Объяснение было вполне правдоподобным, если не учитывать, что пустые кармашки кто-то освободил совсем недавно.

Виктория провела пальцем по краю одного из них.

На пластике осталась тонкая полоска пыли, а посередине — чистый след от предмета, который долго лежал внутри. Фотографии не просто исчезли. Их вынули после того, как альбом уже успел покрыться пылью.

Кто-то искал определённые снимки.

Виктория попросила Марину Сергеевну вспомнить, не приезжал ли к ним в последнее время кто-нибудь из старых знакомых мужа. Она задумалась, а потом рассказала, что

около месяца назад Александр встречался с мужчиной возле станции метро. После встречи вернулся раздражённым и несколько дней не отвечал на звонки даже близких друзей.

Лица незнакомца она не видела. Муж сказал только, что это человек из прошлого.

В тот момент Виктория впервые подумала, что исчезновение Александра могло быть не спонтанным решением. Возможно, он давно ждал этой встречи.

Осмотр продолжился в кабинете. В нижнем ящике письменного стола стояла небольшая деревянная коробка. В ней лежали старые монеты, наручные часы и металлический брелок в форме якоря.

На обратной стороне брелока были выгравированы две буквы и год:

«М.С. 1998».

Виктория сфотографировала надпись. Михаил Серов? Инициалы совпадали.

Брелок был потёртым, но не старым на вид. Его явно хранили отдельно от остальных вещей, словно он имел значение, о котором владелец не хотел забывать.

В этот момент позвонил Орлов.

Он уже получил доступ к архивным материалам по пожару. Официальное заключение содержало неприятную подробность: погибшего не опознали по внешности. Тело было сильно повреждено огнём. Личность установили по документам и личным вещам, найденным на месте происше-

ствия.

В газетной заметке, как выяснилось, написали, что погибшего опознали родственники. Документы дела этого не подтверждали.

Разница казалась небольшой только на бумаге.

Человек погиб. При нём нашли документы Александра Крылова. После этого его похоронили под именем Александра Крылова.

Но никто не мог гарантировать, что в могиле действительно лежал он.

Виктория попросила Орлова проверить сведения о Михаиле Серове. Он обещал продолжить поиски.

Когда разговор закончился, Виктория ещё раз осмотрела коробку. Под часами лежал сложенный листок бумаги. Он был почти незаметен, потому что по цвету совпадал с деревянным дном.

На листке стояла короткая фраза:

«Если меня найдут, значит, Михаил всё-таки ошибся».

Почерк был знакомым. Виктория достала фотографию из конверта, который принесла Марина Сергеевна. Надпись на её обороте была сделана той же рукой.

Значит, автор фотографии и автор записки, скорее всего, один и тот же человек.

Но кто именно?

Александр? Михаил? Или третий мужчина, чьё лицо перечеркнули красной ручкой?

Виктория убрала записку в папку и ещё раз взглянула на старый снимок. Теперь её интересовали не лица, а само здание на заднем плане. Если оно сохранилось, возможно, там удастся найти следы, которые не попали в материалы расследования.

Виктория уже собиралась уходить, когда Марина Сергеевна неожиданно вспомнила ещё одну подробность.

За несколько дней до исчезновения муж попросил её найти старую фотографию загородного дома. Сказал, что хочет проверить одну деталь. Она тогда не придала этому значения, а теперь поняла, что речь могла идти именно о снимке 1998 года.

Виктория показала ей фотографию из конверта.

Она долго смотрела на неё, а затем указала на здание.

— Я видела его раньше.

Оказалось, Александр однажды привозил её в это место. Не в 2004 году, как она сначала предположила, а значительно позже. Они остановились у заброшенного пансионата, но внутрь не заходили. Муж долго стоял перед главным входом, а затем попросил её вернуться в машину.

Марина Сергеевна запомнила эту поездку, потому что после неё Александр впервые за много лет напился.

Виктория записала адрес, который она смогла вспомнить приблизительно. Теперь у Виктории было место, куда следовало отправиться.

Но прежде чем покинуть квартиру, Виктория решила

проверить ещё одну вещь. Достала из папки газетную заметку и положила рядом с фотографией. На снимке 1998 года стояли трое мужчин. Один из них официально погиб. Второй, возможно, исчез. Третий был перечёркнут.

А теперь кто-то удалил пять фотографий из семейного альбома, оставил записку и исчез вместе с паспортом.

Виктория начала подозревать, что Александр не просто скрывал прошлое. Он пытался найти человека, который мог доказать, кем он был на самом деле.

В подъезде Виктория достала телефон, чтобы отправить Орлову фотографии найденных документов.

На экране появилось новое сообщение с неизвестного номера.

Внутри была фотография.

Виктория открыла её и почувствовала, как неприятно похолодели пальцы.

Это был снимок её машины, припаркованной у дома Крыловых. Фотография была сделана несколько минут назад — с противоположной стороны улицы.

Под изображением стояла надпись:

«Вы ищете не того человека. Последний, кто искал Михаила, тоже исчез».

Виктория медленно подняла глаза на окна дома напротив.

На третьем этаже кто-то стоял за занавеской.

Виктория не успела разглядеть лицо. Фигура отступила в глубину комнаты.

Впервые за всё расследование ей стало ясно: кто-то не просто следит за историей Крылова. Кто-то следит за ею.

И, судя по скорости, с которой он узнал о моём визите, у него были ключи не только от чужих тайн.

У него были глаза повсюду.

Глава 3. Дом, который сгорел не до конца

Чужое внимание обычно бывает приятно. Особенно если оно выражается в комплиментах, подарках или хотя бы своевременном приглашении на ужин. Но когда неизвестный фотографирует твою машину во время расследования чужого исчезновения, романтика заканчивается.

Сообщение с неизвестного номера по-прежнему светилось на экране. На фотографии была машина Виктории, припаркованная у дома Крыловых. Снимок сделали несколько минут назад с противоположной стороны улицы.

Кто-то наблюдал за ней. Причём не из праздного любопытства.

Виктория ещё раз посмотрела на окна дома напротив. Занавеска на третьем этаже больше не двигалась.

У подъезда обнаружился домофон, а на табличке возле кнопок вместо фамилий значились только номера квартир. Позвонить наугад было бессмысленно. Если наблюдатель действительно находился внутри, он уже заметил незваную гостью.

Возле машины ждала ещё одна неприятная находка. Под дворником лежал маленький сложенный листок.

На нём было написано:

«Не ездите туда одна».

Ни подписи, ни объяснений.

Записку Виктория убрала в пакет для улик. Иногда привычка собирать мусор оказывается полезнее, чем кажется. Особенно когда мусор начинает угрожать твоей жизни.

Орлову она отправила фотографию сообщения и снимок записки. В ответ получила короткое требование не предпринимать самостоятельных действий. Обещание подумать над этим предложением было дано без особого энтузиазма.

Адрес пансионата уже имелся. Оставалось проверить, что сохранилось от здания, в котором двадцать восемь лет назад произошёл пожар.

Дорога заняла почти два часа. Петербург постепенно остался позади, сменившись лесными массивами, редкими деревнями и узкими участками трассы. По обеим сторонам тянулись деревья, а придорожные дома выглядели так, будто их жители давно договорились не вмешиваться в чужие дела.

Пансионат находился за поворотом, скрытый от дороги густой растительностью.

Когда-то здесь располагалось вполне приличное загородное учреждение с несколькими корпусами, столовой и собственной территорией. Теперь от него остались заброшенные здания, заросшие дорожки и ограда, которую давно никто не ремонтировал.

Виктория остановилась за поворотом, чтобы машина не была видна с главной дороги.

Главный корпус сохранился, хотя часть крыши провалилась. Окна были выбиты, штукатурка осыпалась, а возле боковой стены росли молодые берёзы. Время сделало с этим местом то, чего не смог закончить пожар.

На металлической створке ворот ещё держалась ржавая табличка:

«СеверСтрой».

Старая фотография из газетного архива была сделана именно отсюда. Совпадали расположение окон, форма крыши и выступающий угол бокового крыла.

Виктория сфотографировала табличку и вошла на территорию.

Внутри здания пахло сыростью, мокрой древесиной и старой золой. На полу лежали обломки кирпича, куски штукатурки и стекло. В нескольких помещениях потолок обрушился полностью.

Следы пожара сохранились на стенах. Чёрные полосы поднимались к потолку, деревянные балки были обуглены. Однако повреждения распределялись неравномерно. Одно крыло здания пострадало значительно сильнее другого.

Старая газетная фотография снова оказалась полезной. На ней хорошо просматривались три окна второго этажа. Сейчас два были почти полностью разрушены, а третье сохранило часть деревянной рамы.

На втором этаже располагались несколько комнат. Одна, судя по остаткам мебели, раньше служила кабинетом. В углу

стоял металлический шкаф без дверцы. На полу валялись папки, давно превратившиеся в бесформенную массу.

Под обломком деревянной панели обнаружился участок пола, который выглядел иначе. Пыль лежала ровным слоем, за исключением прямоугольного пятна возле стены.

Кто-то недавно передвигал здесь мебель.

Виктория присела и провела пальцем по полу. Под грязью проступила металлическая пластина, почти полностью скрытая деревянными обломками.

Пластина оказалась крышкой небольшого напольного люка.

Под ней находилась неглубокая ниша. Внутри лежал пластиковый пакет, завёрнутый в старую ткань.

Находку сначала сфотографировали, затем осторожно извлекли. В пакете обнаружились три предмета: ключ с круглой головкой, маленькая фотография и пожелтевший лист бумаги.

На снимке были двое мужчин в помещении, очень похожем на этот кабинет.

Одним оказался Александр Крылов — молодой, без седины, но с тем же шрамом возле левой брови. Второй смотрел прямо в объектив. Его лицо Виктория узнала по старой фотографии из конверта.

Это был тот самый мужчина, чьи глаза кто-то перечеркнул красной ручкой.

На обороте стояла дата:

17 ноября 1998 года.

Через три дня после официальной даты пожара.

Виктория снова посмотрела на снимок. Если дата не была подделана, то фотография появилась уже после происшествия. Получалось, либо пожар случился не тогда, когда сообщали газеты, либо кто-то намеренно изменил хронологию событий.

Но самое интересное находилось на пожелтевшем листке.

Это была часть старого плана здания. На нём карандашом обозначили помещения первого этажа и отдельную лестницу, которой не оказалось на современной схеме. Возле одного из кабинетов стояла надпись:

«Архив. Вход со двора».

По плану помещение находилось в другом крыле, пострадавшем от огня значительно меньше остальных.

В этот момент снаружи послышался автомобильный двигатель.

Виктория замерла возле окна.

На территорию въехала тёмная машина и остановилась у ворот. Дверца открылась, но водитель не вышел сразу.

Прошла минута.

Затем из автомобиля появился мужчина в тёмной куртке. Он не торопился и не осматривался по сторонам. Двигался уверенно, словно прекрасно знал расположение комнат и лестниц.

В руке у него был небольшой предмет, похожий на фо-

нарь.

Незнакомец вошёл в здание.

Его шаги раздались на первом этаже, затем послышались на лестнице. Он не звал никого и не проверял каждую комнату. Мужчина направлялся к определённому месту.

К кабинету.

Виктория быстро убрала находки в сумку и погасила экран телефона. В конце коридора находилась дверь, обозначенная на старом плане. За ней должна была быть дополнительная лестница, ведущая во двор.

Шаги остановились в соседнем помещении.

Дверь поддалась не сразу. Пришлось нажать на неё плечом. За ней действительно обнаружилась узкая лестница, заваленная мусором. Пробираться пришлось осторожно, но путь оказался проходимым.

Внизу находилась небольшая дверь, выходившая во двор. Она была приоткрыта.

Через несколько секунд Виктория уже обходила здание с противоположной стороны. Машина незнакомца по-прежнему стояла возле ворот. Водительское место пустовало.

Мужчина оставался внутри.

До своей машины удалось добраться незамеченной. Номер автомобиля был частично закрыт грязью, но фотография получилась достаточно чёткой, чтобы попытаться восстановить несколько цифр.

Через несколько километров Виктория остановилась на

обочине и проверила снимки.

Фотография из тайника сохранилась отлично. В нижнем углу, возле стены, стоял настольный календарь. На нём отчётливо виднелась дата:

17 ноября 1998 года.

Значит, снимок действительно сделали после официальной даты пожара.

Виктория отправила фотографию Орлову и попросила проверить номер автомобиля. Затем достала найденный ключ.

На его металлической головке были выбиты две цифры:

17.

Пока оставалось неизвестным, что именно открывал этот ключ. Но план здания указывал на существование архивного помещения со двора. Возможно, там сохранились документы, которые не попали в официальное расследование.

И ещё одно обстоятельство не давало покоя.

Человек, приехавший к пансионату, не искал Викторию. Он искал то, что она нашла.

Кто-то знал о тайнике задолго до её появления.

Телефон завибрировал.

Сообщение пришло от Марины Сергеевны.

«Виктория, я нашла фотографию, которую вы просили поискать. На ней мой муж. Но есть одна странность. На снимке он стоит рядом с человеком, которого я похоронила десять лет назад».

Сообщение пришлось перечитать несколько раз.

Виктория достала фотографию из тайника.

На ней Александр Крылов стоял рядом с мужчиной, чьё лицо было перечёркнуто красной ручкой. Теперь выяснялось, что Марина Сергеевна считала этого человека умершим десять лет назад.

Значит, кто-то из участников истории 1998 года дожил до наших дней. Или кто-то очень убедительно сыграл роль покойника.

Виктория посмотрела на лес за окном машины. Поездка к пансионату должна была дать ответы, но вместо них принесла новые вопросы.

И всё же одна деталь теперь казалась особенно важной.

Если человек, которого Марина Сергеевна похоронила десять лет назад, действительно стоял рядом с Александром Крыловым в 1998 году, значит, его смерть могла быть ещё одной частью тщательно продуманной инсценировки.

Похоже, в этой истории мёртвые были гораздо общительнее живых.

Глава 4. Покойники не меняют адрес

В Петербурге существовало немало способов испортить себе день. Можно было попасть в пробку на Невском, обнаружить в почтовом ящике очередное уведомление от управляющей компании или случайно встретить бывшего мужа подруги. Но получить сообщение о том, что человек с фотографии был похоронен десять лет назад, — это уже претензия на отдельную категорию неприятностей.

Марина Сергеевна прислала снимок вскоре после её возвращения в город.

На фотографии были изображены трое мужчин. Снимок сделали, судя по одежде и качеству бумаги, примерно в начале двухтысячных. Александр Крылов стоял посередине. Слева находился мужчина с короткими тёмными волосами, справа — тот самый незнакомец, чьи глаза кто-то перечеркнул на старом снимке 1998 года.

Марина обвела его лицо красным карандашом.

Под фотографией она написала имя:

Виктор Сергеевич Ветров.

Имя ничего ей не говорило. Но объяснение, которое последовало в телефонном разговоре, оказалось куда интереснее.

Ветров был давним знакомым семьи. Десять лет назад он погиб при обстоятельствах, которые Марина Сергеевна помнила достаточно хорошо. Она присутствовала на похоронах, знала его родственников и даже помогала вдове разбирать вещи после смерти.

Сомнений в том, что человек умер, у неё не было.

Однако на фотографии он выглядел вполне живым. Более того, снимок был сделан спустя несколько лет после предполагаемой смерти.

Виктория положила рядом обе фотографии. На старой, датированной 1998 годом, глаза Ветрова были перечёркнуты красной линией. На новой мужчина смотрел прямо в объектив.

Сходство было очевидным.

Оставался вопрос: кто именно был похоронен десять лет назад?

Орлов приехал ближе к вечеру. Он внимательно изучил снимки, проверил подписи и попросил Марину Сергеевну рассказать всё, что она помнила о Ветрове.

Выяснилось, что Виктор Сергеевич работал с Александром Крыловым в строительной компании. После пожара 1998 года он исчез из их круга общения, а спустя несколько лет неожиданно появился снова. Марина не знала, чем он занимался и почему прекратил общаться с семьёй. Муж объяснял это давним конфликтом.

Ветров умер в 2016 году. По словам Марины, причиной

стала автомобильная авария за пределами Петербурга. Похороны проходили в небольшом районном городе, куда она ездила вместе с Александром.

Орлов записал название города и дату смерти.

— Значит, у нас два человека, чья смерть вызывает вопросы, — заметил он, убирая фотографии в папку.

— Пока один, — возразила Виктория. — Александр Крылов официально погиб в 1998 году, но мы ещё не знаем, кто именно лежит в его могиле. А Ветров, возможно, действительно умер в 2016-м. Фотография сама по себе ничего не доказывает.

— Тогда проверим похороны.

— И желательно без эксгумации. У меня сегодня не тот день, чтобы знакомиться с родственниками покойников.

Орлов усмехнулся, но спорить не стал.

На следующий день он прислал первые результаты проверки. Документы о смерти Виктора Ветрова существовали. Имелось свидетельство, медицинское заключение и запись о захоронении. Место аварии также удалось установить.

Однако обнаружилась одна странность.

В день происшествия автомобиль Ветрова сгорел практически полностью. Тело находилось внутри, а опознание проводилось по личным вещам и документам.

История начинала повторяться с неприятной точностью.

Сначала Александр Крылов, затем Виктор Ветров. В обоих случаях пожар или огонь, документы и отсутствие надёж-

ного опознания.

Слишком много совпадений даже для людей, которые предпочитают решать проблемы радикально.

Виктория попросила Орлова проверить материалы аварии. Сама она занялась адресом, указанным в свидетельстве о смерти. Дом Ветрова давно продали, но в архиве сохранились сведения о прежних жильцах.

Последней зарегистрированной по этому адресу значилась женщина по фамилии Соколова. Её имя — Нина Павловна.

Марина Сергеевна вспомнила её сразу. Это была вдова Ветрова. После похорон она переехала, а затем, насколько знала Марина, уехала из Петербурга.

Нина Павловна могла рассказать гораздо больше, чем официальные документы.

К вечеру удалось найти её новый адрес. Женщина жила в небольшом доме на окраине города, недалеко от железнодорожной станции.

Виктория отправилась туда одна, но на этот раз не из желания проявить самостоятельность. Орлов занимался проверкой старых материалов и обещал подъехать, если разговор окажется важным.

Дом Нины Павловны оказался небольшим, с аккуратным палисадником и свежевыкрашенной калиткой. На подоконнике стояли горшки с геранью. За окном двигалась занавеска.

Дверь открыла женщина лет шестидесяти пяти. Лицо у неё было усталым, но взгляд оставался цепким.

Имя Виктора Ветрова произвело на неё заметное впечатление. Нина Павловна не стала приглашать незнакомку в дом, пока не услышала, что речь идёт о старом расследовании и Александре Крылове.

Только после этого она отступила в сторону.

В гостиной почти ничего не изменилось. На стене висели часы, на комоде стояли фотографии в рамках. На одной из них был мужчина с короткими тёмными волосами. Виктор Ветров.

Нина Павловна подтвердила, что это её муж. Десять лет назад он погиб в автомобильной аварии. Машина загорелась после столкновения с грузовиком. Она опознала мужа по кольцу и часам.

— Лицо вы видели? — уточнила Виктория.

Женщина опустила глаза.

Нет. Тело было сильно повреждено, и ей не позволили подойти близко. Документы и личные вещи передали следователи. Врачи объяснили, что опознание по внешности невозможно.

Виктория посмотрела на фотографию в рамке.

— А до аварии он общался с Александром Крыловым?

Нина Павловна долго молчала.

Потом призналась, что незадолго до смерти муж получил письмо. После этого стал нервным, несколько раз уезжал без

объяснений и однажды вернулся домой с разбитой губой. На вопросы отвечал, что столкнулся со старым знакомым.

Письмо она сохранила.

Оно лежало в ящике комода, среди документов мужа. Нина Павловна достала пожелтевший конверт, на котором не было обратного адреса.

Внутри находился лист бумаги с короткой запиской:

«Всё, что произошло в пансионате, должно остаться там. Если заговоришь, следующим будет Александр».

Подписи не было.

Виктория перечитала текст.

Пансионат. Александр. Угроза.

Все три слова уже встречались в расследовании, но теперь они оказались связаны с человеком, которого считали погибшим десять лет назад.

Нина Павловна рассказала, что после смерти мужа несколько раз пыталась связаться с Александром Крыловым. Тот не отвечал на звонки, а потом прислал короткое письмо с просьбой больше не беспокоить его семью.

С тех пор они не общались.

Перед уходом Виктория попросила разрешения сфотографировать письмо. Нина Павловна согласилась, но неожиданно остановила её у двери.

Она вспомнила ещё кое-что.

За несколько месяцев до аварии Ветров однажды пришёл домой поздно ночью и спрятал в кладовой небольшую ме-

таллическую коробку. Сказал, что внутри лежат документы, которые нельзя никому показывать. После похорон коробку искали, но так и не нашли.

Нина Павловна была уверена, что муж спрятал её в доме.

Виктория осмотрела кладовую. Старые инструменты, коробки с книгами, банки с краской. На первый взгляд ничего необычного.

Но в нижней части деревянного стеллажа обнаружилась небольшая полость. Её закрывала тонкая панель, окрашенная в тот же цвет, что и остальные доски.

За панелью лежала металлическая коробка.

Замок оказался старым, но не запертым. Внутри находились несколько фотографий, сложенная схема и небольшая записная книжка.

На первой фотографии стояли Александр Крылов и Виктор Ветров. Рядом с ними был третий мужчина. На этот раз его лицо никто не перечёркивал.

Это был Михаил Серов.

На обороте стояла дата:

23 ноября 1998 года.

Пять дней после фотографии, найденной в тайнике пансионата.

На второй фотографии мужчины стояли возле другого здания. Оно было разрушено, но на стене сохранилась табличка с названием компании «СеверСтрой».

Схема оказалась планом того самого пансионата. На ней

красным карандашом был отмечен подвал и отдельный вход со двора.

Возле отметки стояли две цифры:

17.

Виктория достала найденный на пансионате ключ.

На его головке были выбиты те же цифры.

Теперь стало ясно, что ключ не случайно оказался в тайнике. Он открывал помещение, которое кто-то очень хотел скрыть.

Оставалась записная книжка.

Первые страницы содержали фамилии, суммы и короткие пометки. Большинство записей относилось к 1998 году. Среди них несколько раз встречались фамилии Крылов, Ветров и Серов.

На последней заполненной странице была только одна фраза:

«Настоящий Александр знает, кто вышел из огня».

Виктория перечитала её дважды.

Затем перевернула страницу.

На чистом листе кто-то оставил отпечаток пальца, сделанный чёрными чернилами.

А ниже — дату.

18 ноября 2026 года.

Сегодняшний день.

Нина Павловна утверждала, что коробку не открывала после смерти мужа. Значит, кто-то побывал в доме совсем

недавно. И, возможно, оставил отпечаток намеренно.

Виктория медленно закрыла записную книжку.

Теперь в расследовании появился человек, который знал о тайнике, о фотографиях и о том, что поиски Виктора Ветрова однажды возобновятся.

Но самое неприятное заключалось в другом.

Если записная книжка действительно принадлежала Ветрову, то он знал, кто вышел из огня в 1998 году.

И, судя по всему, не собирался раскрывать эту тайну даже после собственной смерти.

Глава 5. Мужчина с безупречными манерами

Утро началось с неприятного открытия: за ночь ничего не изменилось.

Те же фотографии лежали на столе. Та же записная книжка с обугленными краями хранила последнюю запись Виктора Ветрова. На отдельном листе по-прежнему стояла дата — 18 ноября 2026 года.

А за окном всё так же моросил дождь, превращая Петербург в город, который давно смирился с собственной неприветливостью.

Виктория Ланская перечитала запись ещё раз:

«Настоящий Александр знает, кто вышел из огня».

Фраза выглядела почти издевательски. Настоящий Александр. Значит, существовал и ненастоящий. Или человек, который сумел убедить окружающих, что он — тот самый Александр Крылов, погибший в 1998 году.

Оставался ещё один вопрос: почему Ветров написал дату на следующей странице, оставив её совершенно пустой?

Возможно, это была дата встречи. Возможно, день, когда кто-то должен был забрать коробку. А возможно, отметка человека, который хотел предупредить следующего, кто доберётся до тайника.

В любом случае дата требовала проверки.

Телефон завибрировал.

Орлов.

— Вы уже проснулись или вообще не ложились? — спросил он вместо приветствия.

— Удивительно точное начало разговора. Обычно люди сначала интересуются здоровьем.

— Ваше здоровье меня тоже интересует. Особенно после того, как вы в одиночку полезли в заброшенный пансионат, где за вами следил неизвестный мужчина.

— Неизвестный мужчина не представился. Было бы невежливо обращаться к нему по имени.

На другом конце провода послышался короткий вздох.

— Виктория, я серьёзно.

В его голосе не было привычной служебной сухости. Это почему-то заставило её замолчать.

— Сегодня проверим дату в записной книжке, — продолжил Орлов. — Я выясню, кто имел доступ к дому Ветрова и мог оставить там эту запись. А вы пока никуда не ездите одна.

— Вы предлагаете мне провести день дома?

— Я предлагаю вам остаться в живых.

— Скучное занятие, но постараюсь.

— Я заеду через сорок минут.

— Вы всегда так решаете за других?

— Только когда другие демонстрируют поразительную

способность находить неприятности.

Разговор закончился раньше, чем Виктория успела придумать достойный ответ.

Сорок минут — срок достаточный, чтобы принять душ, приготовить кофе и решить, что чужая забота иногда раздражает гораздо сильнее чужого равнодушия.

Особенно если эта забота начинает нравиться.

* * *

Орлов приехал вовремя. В руках у него был бумажный пакет из кофейни.

— Завтрак, — пояснил он, заметив её взгляд.

— Вы подкупаете свидетеля?

— Пока только кормлю подозреваемую.

В пакете оказались два круассана и кофе. Виктория взяла стакан, стараясь не придавать значения тому, что Орлов запомнил, какой кофе она предпочитает.

Впрочем, он мог просто угадать.

— Что удалось выяснить? — спросила она.

— По дому Ветрова пока ничего определённого. Дата в записной книжке сама по себе не доказывает, что кто-то был там именно восемнадцатого ноября. Но мы проверим, кто имел доступ к дому, кто знал о коробке и кому могли понадобиться её содержимое.

— А ключ?

— Номер семнадцать?

Виктория кивнула.

— Я нашёл несколько объектов, где использовалась такая нумерация. Но пока рано делать выводы. Возможно, это номер помещения, камеры хранения или архивного шкафа.

— Значит, у нас есть три направления.

— И одно настойчивое желание с вашей стороны немедленно отправиться по всем трём.

— Вы начинаете меня понимать.

— К сожалению, да.

Орлов открыл перед ней дверцу машины. Этот простой жест почему-то показался более личным, чем все его предыдущие слова.

Виктория устроилась на пассажирском сиденье.

— Куда едем?

— В архив строительной компании «СеверСтрой». После пожара часть документов передали в городской архив. Но уцелевшие материалы могли остаться и в частных руках.

— Вы нашли человека, который знает, где искать?

— Скорее человека, который может помочь.

— Звучит подозрительно.

— В вашем случае это, вероятно, комплимент.

* * *

Архив располагался в старом административном здании неподалёку от Литейного проспекта. Внутри пахло бумагой, пылью и мебельной полиролью. Коридоры были тихими, а на стенах висели фотографии давно исчезнувших предприятий.

У стойки регистрации их встретила женщина в очках.

— Вы к кому?

Орлов назвал фамилию сотрудника, с которым договорился о встрече.

Женщина просмотрела журнал.

— Он сегодня не работает. Но оставил распоряжение передать вам контакт человека, который занимается частными архивами «СеверСтроя».

Она протянула визитную карточку.

На плотной белой бумаге было напечатано:

Максим Андреевич Воронцов.

Эксперт по частным архивам и историческим коллекциям.

Ниже стоял номер телефона.

— Воронцов? — переспросила Виктория.

— Вы его знаете? — спросил Орлов.

— Пока нет. Но фамилия у него такая, будто он обязан владеть хотя бы одним старинным особняком.

— Не советую судить людей по визиткам.

— А я и не сужу. Просто предполагаю.

Телефон на карточке оказался действующим. Воронцов ответил после второго гудка.

Выслушав Орлова, он предложил встретиться в небольшом кафе через дорогу от архива. По его словам, некоторые документы «СеверСтроя» действительно сохранились в частной коллекции, однако без личного разговора обсуждать

их он не хотел.

— Почему бы не здесь? — спросила Виктория, когда Орлов закончил разговор.

— Он не доверяет архиву.

— Или не хочет, чтобы его разговоры записывали.

Орлов посмотрел на неё.

— Именно поэтому я буду рядом.

* * *

Максим Андреевич Воронцов оказался не похож на человека, который целыми днями перебирает старые бумаги.

Ему было около сорока пяти. Высокий, подтянутый, с аккуратно уложенными тёмными волосами и спокойным лицом человека, который привык, что его внимательно слушают. Тёмно-синий костюм сидел безупречно, но не выглядел демонстрацией достатка. На запястье поблёскивали часы с тонким металлическим браслетом.

Он поднялся при появлении Виктории.

— Виктория Ланская?

— Вы быстро запоминаете имена.

— Ваша фамилия прозвучала в разговоре. А теперь я понимаю, почему Орлов не захотел обсуждать дело по телефону.

Воронцов пожал ей руку. Взгляд задержался на её лице чуть дольше обычного, но не настолько, чтобы это можно было назвать бесцеремонностью.

— Максим Воронцов, — представился он. — Рад знаком-

ству.

— Взаимно. Хотя пока не знаю, насколько оно будет полезным.

— Это честно. Я предпочитаю начинать именно так.

Орлов занял место напротив. Его лицо оставалось спокойным, но Виктория заметила, как он внимательно изучает нового знакомого.

Воронцов заказал кофе и предложил им перейти к делу.

— Архив «СеверСтроя» оказался интереснее, чем можно предположить по официальным описям, — начал он. — После пожара часть материалов исчезла, часть была уничтожена, а некоторые документы неожиданно оказались у частных коллекционеров. Я несколько лет собираю всё, что связано с историей компании.

— Почему именно «СеверСтрой»? — спросила Виктория.

— Потому что эта компания исчезла с рынка почти так же бесследно, как некоторые её сотрудники.

Виктория внимательно посмотрела на него.

— Вы знакомы с историей пожара?

— Достаточно хорошо. В ноябре 1998 года в загородном пансионате произошёл пожар. Один человек официально погиб. Ещё несколько фамилий исчезли из документов, словно их никогда не существовало.

— Какие фамилии?

Воронцов выдержал короткую паузу.

— Крылов. Ветров. Серов.

Орлов слегка подался вперёд.

— Откуда вам известно, что эти люди были связаны?

— Из документов, которые не попали в официальные отчёты.

— Вы можете их показать?

— Некоторые. Но сначала хотел бы понять, что именно вы ищете.

— Александра Крылова, — ответила Виктория. — Человека, который, возможно, погиб в 1998 году, но спустя годы продолжил жить под собственным именем.

Воронцов не удивился. Только отвёл взгляд к окну.

— Значит, эта история снова началась.

— Вы уже слышали о ней?

— Слышал, что кто-то интересуется старым пожаром. Но не думал, что дело дошло до поисков самого Крылова.

— Почему вы считаете, что история началась снова?

Воронцов посмотрел прямо на Викторию.

— Потому что люди, которые двадцать восемь лет хранили молчание, редко начинают говорить просто так.

— А вы молчали?

Вопрос прозвучал резко. Орлов бросил на неё предупреждающий взгляд, но Воронцов лишь улыбнулся.

— Нет. Я тогда был слишком молод, чтобы иметь отношение к событиям в пансионате. Но мой отец работал с «СеверСтроем». И незадолго до смерти передал мне несколько

папок.

— В них были документы о пожаре?

— Не только. Там встречались договоры, служебные записки, фотографии. И одна вещь, которую я до сих пор не могу объяснить.

— Какая?

Воронцов достал из внутреннего кармана пиджака тонкий конверт.

— Вот.

На стол легла фотография.

Виктория узнала пансионат сразу. Снимок был сделан со стороны двора. На переднем плане стояли трое мужчин.

Александр Крылов. Виктор Сергеевич Ветров. Михаил Аркадьевич Серов.

Те же лица, что и на снимках из металлической коробки.

Но здесь был ещё один человек.

Он стоял чуть в стороне, возле автомобиля, и смотрел прямо в объектив.

— Кто это? — спросила Виктория.

— Не знаю. На обороте ничего нет.

Орлов взял фотографию и внимательно осмотрел её.

— Когда она была сделана?

— По словам отца, в ноябре 1998-го. Точную дату он не назвал.

Виктория перевернула снимок. На обороте действительно не было надписи. Только едва заметная царапина возле

нижнего края.

— Вы сказали, что не можете объяснить одну вещь. Это она?

— Нет. Странность в другом. На фотографии четыре человека, но в папке, откуда она взята, было указано, что снимались трое.

— Возможно, четвёртый случайно попал в кадр.

— Возможно. Но мой отец собственноручно обвёл его лицо карандашом.

Виктория снова посмотрела на снимок.

Четвёртый мужчина был не просто посторонним прохожим. Он стоял рядом с автомобилем, а его взгляд был направлен точно на фотографа.

— Можно забрать копию?

— Разумеется. Я подготовлю скан.

Воронцов достал визитку и положил рядом с фотографией.

— И ещё кое-что. В моей коллекции есть журнал регистрации посетителей пансионата. Он сохранился почти полностью.

— Там могут быть фамилии?

— Да. Но есть одна проблема. Журнал хранится не у меня.

— Где?

— В доме, который принадлежал моему отцу. Я собирался отвезти его в реставрационную мастерскую, но после вашего звонка решил, что сначала стоит показать его вам.

Орлов нахмурился.

— Почему сразу не сказали?

— Потому что не знал, насколько далеко вы продвинулись.

Воронцов повернулся к Виктории.

— Если вам удобно, я мог бы пригласить вас завтра. Посмотрите документы, мы спокойно разберёмся. Там есть библиотека, камин и вполне приличный кофе. Обещаю, никаких допросов.

— Вы часто приглашаете незнакомых женщин в загородные дома?

— Только тех, кто задаёт правильные вопросы.

Виктория улыбнулась. Ответ был красивым, но слишком хорошо подготовленным.

— Я подумаю.

— Буду ждать.

Воронцов поднялся, попрощался с Орловым и оставил на столе визитную карточку.

Когда он вышел, Орлов ещё несколько секунд смотрел ему вслед.

— Не нравится? — спросила Виктория.

— Не доверяю.

— Вы ему даже не дали возможности проявить себя.

— Он уже проявил. Слишком много знает о деле, которое якобы касается его только через покойного отца.

— Возможно, он просто хорошо подготовился.

— Возможно.

Орлов положил фотографию в папку.

— Но в загородный дом к нему вы не поедете.

— Вот теперь это звучит как приказ.

— Это звучит как совет человека, который не хочет однажды искать вас в очередном заброшенном здании.

Виктория посмотрела на него внимательнее.

— Вы всегда так заботитесь о людях, с которыми работаете?

Орлов не ответил сразу.

— Не обо всех.

Эти три слова прозвучали тише, чем следовало. И, пожалуй, именно поэтому Виктория запомнила их лучше всего.

* * *

До вечера удалось установить немногое.

Орлов обещал проверить личность четвёртого мужчины на фотографии и выяснить, кому принадлежал автомобиль, стоявший возле пансионата. Виктория же получила копию снимка и адрес загородного дома Воронцова.

По дороге домой телефон завибрировал.

Сообщение от Максима Андреевича:

«Надеюсь, вы не сочли моё приглашение слишком поспешным. Завтра могу показать вам то, чего нет ни в одном официальном архиве».

Следом пришло второе сообщение:

«И ещё. На фотографии, которую вы сегодня видели, есть

деталь, которую Орлов не заметил. Посмотрите на часы мужчины возле автомобиля».

Виктория остановилась посреди тротуара.

Она открыла фотографию на экране и увеличила изображение.

Часы.

На запястье четвёртого мужчины действительно виднелся металлический браслет. Но главное было не в часах.

На их циферблате отчётливо различалась дата.

18 ноября.

Виктория приблизила снимок ещё сильнее. Год разобрать не удавалось, но совпадение с датой в записной книжке Ветрова уже не выглядело случайным.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз звонил Орлов.

— Вы где? — спросил он.

— Иду домой. Нашла кое-что на фотографии.

— Что именно?

— У мужчины возле автомобиля часы. На них дата — восемнадцатое ноября.

На другом конце провода наступила тишина.

— Виктория, — наконец произнёс Орлов, — не отвечайте пока Воронцову.

— Почему?

— Потому что я только что проверил его имя.

— И что?

— Максим Андреевич Воронцов действительно существует. Только вот в документах о пожаре 1998 года есть кое-что интересное.

— Что именно?

— Его фамилия.

Виктория почувствовала, как холодный воздух коснулся лица.

— Он был связан с «СеверСтроем»?

— Нет. Хуже.

Орлов помолчал.

— Воронцов числится в списке людей, находившихся в пансионате в ночь пожара.

Виктория посмотрела на экран телефона, где всё ещё светилось сообщение нового знакомого.

«Завтра могу показать вам то, чего нет ни в одном официальном архиве».

Впервые за долгое время приглашение на ужин показалось ей куда менее опасным, чем приглашение в загородный дом.

Потому что Максим Воронцов не просто знал историю пожара.

Судя по документам, он был одним из её участников.

И, возможно, именно он знал, кто вышел из огня.

Глава 6. Приглашение, от которого трудно отказаться

Виктория перечитала сообщение Орлова ещё раз.

«Воронцов числится в списке людей, находившихся в пансионате в ночь пожара».

Вчерашний обаятельный собеседник, который заказывал кофе и безупречно держал себя за столом, теперь приобретал совершенно другие очертания.

Впрочем, это ещё ничего не доказывало. В 1998 году Максим Воронцов мог быть подростком, случайным гостем или человеком, который вообще не имел отношения к происходившему. Орлов пока не сообщил ни возраста, ни обстоятельств его появления в списке.

Телефон снова зазвонил.

— Вы уже дома? — спросил Орлов.

— Почти.

— Тогда дождитесь меня. Я подъеду.

— У вас появилась привычка сопровождать меня повсюду.

— У вас появилась привычка попадать в неприятности.

— Возможно, нам стоит признать, что мы оба последовательны.

Орлов не оценил шутку.

Через двадцать минут он стоял у её двери. Без пальто, в тёмном костюме, с папкой под мышкой. Вид у него был такой, словно он собирался не обсуждать старую фотографию, а предъявлять обвинение целой эпохе.

Виктория впустила его.

— Кофе будете?

— Нет. Сначала посмотрите.

На стол легли две распечатки.

Первая — копия списка людей, находившихся в пансионате в ноябре 1998 года. Вторая — архивная карточка с краткими сведениями о каждом.

Виктория нашла фамилию Воронцова.

Максим Андреевич Воронцов. Дата рождения: 14 июня 1980 года.

Она подняла глаза.

— Значит, ему было восемнадцать.

— Восемнадцать с половиной, — уточнил Орлов. — В списке он указан как сопровождающий одного из представителей компании.

— Кого именно?

— Михаила Аркадьевича Серова.

Виктория снова посмотрела на документ.

— Он был сыном Серова?

— Нет. Но в нескольких документах Воронцов указан как человек, которому Серов поручал личные дела. Возможно, они были знакомы через семью. Пока установить родство не

удалось.

— И вы думаете, он специально нашёл меня?

— Я думаю, что он слишком вовремя появился в нашей истории.

— Он сам рассказал о своём отце, который работал с «СеверСтроем».

— Это может быть правдой. Но в архиве нет подтверждения, что его отец имел отношение к пансионату.

Виктория подошла к окну. Внизу стояла знакомая тёмная машина.

— Орлов, вы ведь не собираетесь запретить мне встречаться с Воронцовым?

— Нет.

Она обернулась.

— Неожиданно.

— Запретить вам что-либо я не могу. Но могу сказать, что поездка к нему без сопровождения будет глупостью.

— А если с сопровождением?

— Тогда хотя бы появится шанс вернуться с ответами.

Виктория улыбнулась.

— Значит, поедем вместе?

— Если вы согласитесь.

В его голосе не было приказа. Только спокойная настойчивость.

И это, как ни странно, действовало сильнее.

* * *

На следующее утро Воронцов прислал адрес загородного дома и короткое сообщение:

«Буду рад видеть вас в два часа. Надеюсь, ваш спутник тоже составит нам компанию».

Последняя фраза вызвала у Виктории улыбку.

— Он знает, что вы поедете, — заметила она, показывая сообщение Орлову.

— Значит, либо следит за нами, либо просто умеет делать выводы.

— Вы всегда выбираете самый неприятный вариант?

— Это профессиональная деформация.

— А я считала, что ваша профессиональная деформация — хмуриться при виде чужого кофе.

Орлов посмотрел на её стакан.

— Вы опять не позавтракали.

— Не знала, что это входит в протокол расследования.

— Уже входит.

Он поставил на стол небольшой бумажный пакет.

Внутри лежали свежие сырники и контейнер со сметаной.

Виктория посмотрела на пакет, потом на Орлова.

— Вы решили окончательно лишить меня возможности считать вас неприятным человеком?

— Не беспокойтесь. У меня ещё много недостатков.

— Надеюсь, они не все связаны с работой.

На этот раз Орлов улыбнулся.

Совсем немного, но достаточно, чтобы его обычное се-

рьёзное лицо изменилось.

Виктория поймала себя на том, что рассматривает его дольше, чем требовалось.

Пришлось заняться завтраком.

* * *

Дом Максима Воронцова находился за городом, в старом посёлке среди высоких сосен. Двухэтажный особняк из светлого кирпича был построен ещё в советское время, но недавно отреставрирован. Новые окна, аккуратная терраса, ухоженный сад.

Ничего показного. Всё дорогое, но сдержанное.

Воронцов встретил их у входа.

— Виктория. Рад, что вы приехали.

Он помог ей снять пальто, затем повернулся к Орлову.

— Рад и вашему присутствию. Хотя, признаюсь, надеялся на более доверительную беседу.

— Доверие требует времени, — ответил Орлов.

— Согласен. Особенно когда речь идёт о людях, которые двадцать восемь лет назад исчезли из документов.

Воронцов провёл гостей в библиотеку.

Комната оказалась просторной, с высокими шкафами, кожаными креслами и настоящим камином. На письменном столе лежали несколько папок, старые фотографии и раскрытый журнал в тёмном переплёте.

Виктория остановилась возле окна.

— У вас здесь очень уютно.

— Отец говорил, что библиотека должна быть комнатой, из которой не хочется уходить.

— Мудрый человек.

— Он был сложным человеком. Но в некоторых вещах понимал жизнь лучше меня.

Воронцов предложил кофе. На этот раз Виктория согласилась.

Орлов отказался.

— Вы говорили о журнале регистрации, — напомнил он.

— Да. Вот он.

Воронцов осторожно подвинул старую книгу.

Переплёт был потёрт, некоторые страницы пожелтели, но записи сохранились достаточно хорошо.

Виктория начала листать журнал.

В списке посетителей встречались фамилии сотрудников компании, подрядчиков и гостей пансионата. Даты стояли с октября по ноябрь 1998 года.

На странице за 17 ноября она увидела знакомые фамилии.

Александр Крылов.

Виктор Ветров.

Михаил Серов.

И ниже — Максим Воронцов.

— Вот вы, — сказала Виктория.

— Да.

— Восемнадцатого июня вам исполнилось восемнадцать. А в ноябре вы уже находились в пансионате вместе с руко-

водителями компании.

— Мой отец попросил меня сопровождать Серова. Я тогда учился в институте и иногда помогал ему с документами.

— Что вы делали в пансионате?

— Передавал бумаги. Ничего особенного.

— А в ночь пожара?

Воронцов помолчал.

— Я уехал вечером семнадцатого ноября.

— У вас есть подтверждение?

— Нет. Только моя память.

Орлов положил ладонь на раскрытый журнал.

— А почему ваша фамилия указана в списке людей, находившихся там в ночь пожара?

— Потому что список составляли позднее. В нём могли оказаться люди, которые уехали раньше.

— Кто его составлял?

— Не знаю.

— Очень удобно.

Воронцов посмотрел на Орлова без раздражения.

— Я понимаю ваши сомнения. Но не собираюсь оправдываться за то, чего не совершал.

Виктория продолжила листать журнал.

На странице за 18 ноября обнаружилась запись, сделанная другим почерком:

«Передано в архив. Комната 17».

Она остановилась.

— Комната семнадцать.

Орлов наклонился над страницей.

— Совпадает с номером на вашем ключе.

— Вы знаете, где находилась эта комната? — спросила Виктория.

Воронцов медленно закрыл журнал.

— Да.

— Где?

— В подвале пансионата. Там хранились документы, которые не предназначались для обычного доступа.

— И что в них было?

— Не знаю. Мне никогда не разрешали туда входить.

— Но вы знали о комнате.

— Знал. Отец однажды упоминал её.

Виктория достала ключ из сумки и положила на стол.

— Этот ключ мы нашли в тайнике Ветрова. На нём тоже стоит номер семнадцать.

Воронцов посмотрел на ключ. Впервые за всё время его спокойствие дало заметную трещину.

Он не притронулся к нему.

— Откуда он у вас?

— Из коробки, которую Ветров спрятал перед смертью.

— Вы нашли его в доме Нины Павловны?

— Да.

Воронцов откинулся на спинку кресла.

— Тогда вам нужно быть осторожнее.

— Почему?

— Потому что комната семнадцать была закрыта не просто так.

— Что там хранили?

Он не ответил.

Вместо этого подошёл к одному из шкафов, достал тонкую папку и вернулся к столу.

— Я хотел показать вам это позже. Но, пожалуй, теперь нет смысла откладывать.

Внутри находились копии нескольких документов. Виктория быстро пробежала глазами по тексту.

Один из листов оказался актом передачи имущества. Внизу стояли подписи Серова и Крылова.

Дата — 18 ноября 1998 года.

— Это уже после пожара, — заметила она.

— Именно.

— Но если Крылов погиб семнадцатого ноября…

— Тогда возникает вопрос, кто подписал документ восемнадцатого.

Орлов взял лист и внимательно осмотрел подпись.

— Вы утверждаете, что документ настоящий?

— Я утверждаю только то, что он находился в папке моего отца.

Виктория посмотрела на подпись Крылова.

Она была похожа на ту, что стояла в документах из квартиры Марины. Но похожесть ещё ничего не доказывала.

— Почему вы не передали эти бумаги полиции раньше?

Воронцов ответил не сразу.

— Потому что мой отец запретил мне вмешиваться в эту историю.

— И вы послушались?

— Тогда мне было восемнадцать. Я не понимал, что именно произошло. Позже, когда начал разбираться, отец уже умер.

В его голосе впервые появилась настоящая усталость.

Виктория посмотрела на него внимательнее. За безупречными манерами и уверенными ответами вдруг проступил человек, который действительно мог прожить двадцать восемь лет с чужой тайной.

Но мог и прекрасно играть эту роль.

* * *

После осмотра документов Воронцов предложил пройти в столовую.

Обед оказался простым, но приготовленным с явным вниманием к деталям. Никаких показных деликатесов, дорогого вина или демонстрации богатства. Только хорошая еда, спокойная обстановка и старинный сервиз, который, судя по всему, принадлежал семье.

Виктория заметила, что Воронцов почти не смотрит на Орлова. Его внимание было сосредоточено на ней.

— Вы всегда так увлечённо занимаетесь чужими тайнами? — спросил он.

— Только когда они мешают спокойно жить.

— А если тайна окажется опасной?

— Тогда тем интереснее.

— Неужели вас никогда не пугала собственная любознательность?

— Пугала. Но ненадолго.

Воронцов улыбнулся.

— В таком случае я хотел бы пригласить вас на ужин. Уже без архивов, старых пожаров и полицейских расследований.

Орлов положил вилку.

— Думаю, с этим стоит повременить.

Воронцов повернулся к нему.

— Я пригласил Викторию, а не вас.

— Я заметил.

Виктория медленно поставила чашку.

— Господа, если вы собираетесь выяснять отношения, предупреждаю: я не собираюсь быть призом в соревновании.

Орлов отвёл взгляд.

Воронцов же улыбнулся так, будто именно такой ответ и ожидал.

— Справедливо. Тогда приглашение остаётся в силе, а решение — за вами.

Он достал из кармана небольшую карточку и написал на ней номер телефона.

— Позвоните, когда захотите.

Виктория взяла карточку.

— Спасибо.

Орлов ничего не сказал.

Но обратная дорога обещала быть долгой.

* * *

В машине Орлов долго молчал.

Виктория смотрела на мелькающие за окном сосны. Воронцов оказался полезен. Даже слишком полезен. Он предоставил документы, подтвердил существование комнаты семнадцать и показал акт, подписанный после официальной даты гибели Крылова.

Но одна деталь не давала покоя.

Воронцов не удивился самому факту существования ключа. Он испугался, когда увидел его.

— Вы что-нибудь скажете? — спросила Виктория.

— А что именно?

— Например, что Воронцов вам не нравится.

— Это и так очевидно.

— Он проявил ко мне интерес. Вас это беспокоит?

Орлов крепче сжал руль.

— Меня беспокоит, что вы готовы доверять человеку, который скрывал своё присутствие в пансионате.

— Я ему не доверяю.

— Тогда зачем взяли его номер?

— Потому что он может быть полезен.

— Разумеется.

Виктория повернулась к нему.

— Вы сейчас говорите как следователь или как мужчина?

Орлов не ответил сразу.

Машина остановилась на светофоре. Красный свет лёг на его лицо, подчеркнув усталость вокруг глаз.

— А вы хотите услышать разницу?

Виктория почувствовала, что вопрос оказался опаснее, чем рассчитывала.

— Пока не решила.

Свет сменился. Орлов тронулся с места.

— Тогда не торопитесь.

* * *

Дома Виктория разложила фотографии и документы на столе.

Особенно внимательно изучила акт передачи имущества от 18 ноября 1998 года. Подписи Серова и Крылова выглядели убедительно, но требовали экспертизы.

Рядом лежала копия журнала регистрации.

Комната 17.

В записной книжке Ветрова — ключ с тем же номером.

Всё указывало на подвал пансионата.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Воронцова:

«Надеюсь, вы добрались благополучно. Сегодняшний разговор многое прояснил. Но есть одна вещь, которую я не успел вам показать».

Виктория набрала ответ:

«Что именно?»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Фотография вашего спутника».

Она перечитала сообщение.

«Какого спутника?»

Через несколько секунд на экране появилось изображение.

Старая фотография, сделанная в пансионате в ноябре 1998 года.

На ней стоял Михаил Серов.

Рядом — Александр Крылов.

Чуть позади — молодой Максим Воронцов.

А у самого края снимка, почти скрытый тенью, находился ещё один мужчина.

Виктория увеличила фотографию.

Лицо было молодым, но узнаваемым.

Очень узнаваемым.

Это был Орлов.

Не нынешний, конечно. Парень лет двадцати с небольшим, в тёмной куртке, с тем же выражением глаз.

Виктория почувствовала, как похолодели пальцы.

Орлов родился значительно позже пожара?

Нет. Ему вполне могло быть около двадцати в 1998 году.

Но почему он никогда не упоминал, что бывал в пансионате?

И почему Воронцов показал эту фотографию только сей-

час?

Следом пришло ещё одно сообщение:

«Теперь вы понимаете, почему я хотел поговорить с вами без него».

Виктория медленно опустила телефон.

На экране оставалась фотография, которая превращала её расследование в нечто гораздо более личное.

Если Орлов действительно находился в пансионате в ночь пожара, то он знал об этой истории гораздо больше, чем рассказывал.

А если Воронцов не лгал, то человек, которому Виктория начала доверять, мог быть связан с самой главной тайной дела.

Глава 7. Человек на старой фотографии

Фотография лежала перед Викторией уже почти час.

За это время она успела рассмотреть каждую складку на одежде, каждую тень на стене и даже трещину на оконном стекле за спинами мужчин. Снимок был старым, слегка пожелтевшим, но достаточно чётким, чтобы не оставлять сомнений.

На нём действительно находился Орлов.

Молодой, худощавый, с густыми тёмными волосами. Лицо ещё не приобрело той жёсткости, которая появилась с годами, но взгляд был совершенно узнаваемым.

Рядом стояли Серов, Крылов и Воронцов.

Виктория снова посмотрела на дату, указанную Воронцовым: ноябрь 1998 года.

Орлову тогда было около двадцати лет. Возраст вполне подходящий.

Но почему он молчал?

Телефон лежал рядом с фотографией. Виктория несколько раз набирала номер Орлова, но каждый раз откладывала звонок. Не хотелось начинать разговор с обвинений, пока не было уверенности, что снимок настоящий.

В конце концов решение пришло само.

— Доброе утро, — произнесла она, услышав его голос.

— Уже не очень доброе, судя по интонации.

— У меня есть фотография.

— И?

— Вы на ней.

Пауза оказалась достаточно длинной.

— Где вы её взяли?

— От Максима Воронцова.

— Не трогайте её. Я сейчас приеду.

— Даже не спросите, что именно на ней?

— Нет. Потому что уже знаю.

Связь оборвалась.

Виктория медленно положила телефон на стол.

Вот теперь стало действительно интересно.

* * *

Орлов приехал через двадцать пять минут.

На этот раз без кофе, без завтрака и без привычных замечаний о её склонности к опасным приключениям.

Он вошёл, снял пальто и сразу подошёл к столу.

Увидев фотографию, не стал изображать удивление.

— Значит, Воронцов всё-таки решил её показать.

— Вы знали о её существовании?

— Да.

— И давно?

— С тех пор, как увидел вас в этом деле.

Виктория отодвинула стул.

— Прекрасно. Тогда давайте начнём с простого. Почему вы не сказали, что были в пансионате?

Орлов сел напротив.

— Потому что я не был там в ночь пожара.

— Но на фотографии вы есть.

— Да.

— Значит, были в пансионате?

— Семнадцатого ноября. Днём. Уехал до вечера.

Виктория посмотрела на него внимательно.

— Кто вас туда привёз?

— Отец.

— Он работал в «СеверСтрое»?

— Нет. Он был знаком с одним из руководителей компании. Его попросили отвезти документы. Я тогда учился и помогал ему с машиной.

— Серов?

Орлов кивнул.

— Мой отец был знаком с Михаилом Серовым. Но не был его сотрудником.

— А Крылов?

— Видел его там впервые.

— Ветров?

— Тоже.

Виктория перевела взгляд на фотографию.

— Почему вы не рассказали об этом раньше?

— Потому что не считал это важным. Я был в пансиона-

те один раз, больше двадцати лет назад. В тот день ничего необычного не произошло.

— Вы уверены?

Орлов помолчал.

— Тогда я так думал.

Эти слова прозвучали не слишком убедительно.

— А теперь?

— Теперь понимаю, что отец мог знать больше, чем рассказывал.

Виктория откинулась на спинку кресла.

— Значит, у нас появился ещё один человек, который скрывал правду.

— Возможно.

— И этот человек ваш отец.

— Он умер семь лет назад.

— Это не делает его менее интересным для расследования.

Орлов впервые за разговор улыбнулся.

— Вот за это я вас и не люблю.

— За интерес к покойникам?

— За то, что вы умеете задавать вопросы, от которых невозможно отмахнуться.

Виктория встретила его взгляд.

— А я думала, за чувство юмора.

— Оно у вас сомнительное.

— Зато у вас с ним всё прекрасно. Особенно когда вы сер-

дитесь.

На мгновение напряжение исчезло. Но ненадолго.

Орлов взял фотографию.

— Воронцов не просто так прислал её вам. Он хочет, чтобы вы начали сомневаться во мне.

— У него получилось.

— Понимаю.

— Но не настолько, чтобы я решила, что он говорит правду.

Орлов поднял глаза.

— Спасибо.

— Не благодарите. Я пока просто не определилась, кто из вас опаснее.

* * *

Отец Орлова оставил после себя немного документов. Большую часть семейного архива после его смерти разобрали родственники, а оставшиеся бумаги хранились в старой квартире на Васильевском острове.

— Вы хотите туда поехать? — спросил Орлов.

— Разумеется.

— Я так и думал.

— Вы ведь сами предложили.

— Я предложил разобраться с прошлым отца. Но не обещал, что там будет приятно.

— В неприятных местах иногда находятся самые полезные вещи.

— Вы когда-нибудь бываете довольны обычной жизнью?

— Бываю. Когда в ней нет трупов, пожаров и мужчин, которые исчезают дважды.

Орлов покачал головой.

— Поехали.

* * *

Квартира оказалась небольшой, с высокими потолками и старым паркетом. После смерти хозяина здесь почти ничего не меняли. На стенах висели фотографии, в шкафах стояли книги, а в прихожей сохранилась старая вешалка с потёртыми деревянными крючками.

Орлов открыл дверь своим ключом.

— Последний раз я был здесь около года назад, — сказал он. — Забирал документы для оформления наследства.

— И не заметили ничего интересного?

— Тогда я не искал.

В комнате стоял письменный стол с выдвижными ящиками. В одном из них обнаружились квитанции, старые письма и несколько фотографий.

Орлов перебирал бумаги, а Виктория осматривала книжные полки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.